

ПОЗДНЯЯ ПРЕИСТОРИЯ ЕВРАЗИИ: СОЦИАЛЬНЫЕ МОДЕЛИ И КУЛЬТОВАЯ ПРАКТИКА

Структура и социальные модели культуры Кукутень-Триполье

Социальная организация ямной культуры

Сезонные миграции и система жизнеобеспечения ранних скотоводов

Общественное устройство скотоводов Южного Урала

Социальные структуры в условиях фронта

Социальные аспекты практики кремации в бронзовом веке

Ответственный редактор — Игорь В. Манзура,

Зам. отв. редактора — Сергей В. Кузьминых

E-ISSN: 1857-3533

Stratum plus. Nr. 2.
Archaeology and Cultural Anthropology

Late Prehistory of Eurasia: Social Models and Cult Practices

Structure and social models of the Cucuteni-Tripolye culture
Social organization of the Pit-Grave culture
Seasonal migrations and subsistence system of early pastoralists
Social organization of Southern Ural pastoralists
Social structures in frontier conditions
Social dimensions of the cremation rite in the Bronze Age

Editor-in-Charge — Igor V. Manzura,
Associate Editor — Sergei V. Kuzminykh

Saint Petersburg. Kishinev. Odessa. Bucharest.
2018

Stratum plus. Nr. 2.
Arheologie și antropologie culturală

Preistoria târzie a Eurasiei: modelele sociale și practica de cult

Structura și modelele sociale ale culturii Cucuteni-Tripolie
Organizarea socială a culturii lamnaia
Migrațiile sezoniere și sistemul de asigurare a vieții la crescătorii de vite vimpurii
Orânduirea socială a crescătorilor de vite din Uralul de Sud
Structurile sociale în condițiile frontierului
Aspectele sociale ale practicii incinerării în epoca bronzului

Redactor responsabil — Igor V. Manzura,
Redactor adjunct — Sergei V. Kuzminykh

Sankt Petersburg. Chișinău. Odesa. București.
2018

СОДЕРЖАНИЕ

СОЦИУМ В ОТРАЖЕНИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ
ИСТОЧНИКОВ

СОЦИАЛЬНЫЕ СТРУКТУРЫ И МОДЕЛИ

- Н. Б. Бурдо (*Киев, Украина*). Структура и социальные модели культуры Кукутень А — Триполье VI 17
- Н. Л. Моргунова, А. А. Файзуллин (*Оренбург, Россия*). Социальная структура ямной культуры Волжско-Уральского междуречья 35
- Л. Николова (*Солт-Лейк-Сити, США*). Дубене и Троя: золото и благоденствие в III тысячелетии до н. э. в Евразии 61
- Н. И. Шишлина, Е. С. Азаров, Т. Д. Дятлова (*Москва, Россия*), Н. В. Рослякова (*Самара, Россия*), О. П. Бачура (*Екатеринбург, Россия*), Й. ван дер Плихт (*Гронинген, Нидерланды*), П. И. Калинин (*Пушино, Россия*), И. А. Идрисов (*Махачкала, Россия*), А. В. Борисов (*Пушино, Россия*). Инновационные сезонные миграции и система жизнеобеспечения подвижных скотоводов в пустынно-степной зоне Евразии: роль социальных групп 69
- А. В. Епимахов (*Челябинск, Россия*). Социальные структуры в условиях фронта: пример бронзового века Южного Зауралья 91

СОЦИОЛОГИЯ ПОСЕЛЕНИЙ

- Н. С. Котова (*Киев, Украина*), П. Штадлер (*Вена, Австрия*). Группа памятников в Брунн-ам-Гебирге и проблема иерархии древнейших поселений культуры линейно-ленточной керамики 109
- О. В. Тубольцев (*Запорожье, Украина*), С. Б. Радченко (*Киев, Украина*). Генералка 2 и *causewayed enclosures*: примеры отражения полярного мировоззрения древнего населения Европы 119
- И. В. Чечушков (*Питтсбург, США*), А. С. Якимов (*Тюмень, Россия*), О. П. Бачура (*Екатеринбург, Россия*), Ян Чхуен Ын (*Питтсбург, США*), Е. Н. Гончарова (*Екатеринбург, Россия*). Общественное устройство синташтинско-петровских коллективов позднего бронзового века и причины генезиса социальной элиты (на примере поселения Каменный Амбар в степном Зауралье) . . . 149

СОЦИОЛОГИЯ ПОГРЕБЕНИЙ

- С. В. Васильев (*Москва, Россия*), Р. В. Смольянинов (*Липецк, Россия*), С. Б. Боруцкая (*Москва, Россия*), А. Н. Бессуднов (*Липецк, Россия*). Население неолита-энеолита Верхнего Подонья и его погребальная обрядность (по материалам грунтового могильника Ксизово 6) 167
- М. Б. Медникова (*Москва, Россия*), Н. А. Мусейбли (*Баку, Азербайджан*), С. Н. Корневский (*Москва, Россия*). Детские погребения лейлатепинской культуры эпохи халколита на поселении Галаери в Азербайджане: опыт биоархеологического исследования 197
- Н. А. Берсенева (*Челябинск, Россия*). Социальные аспекты практики кремации в обществах эпохи бронзы Южного Урала 211

- Е. П. Китов (Москва, Россия), А. А. Хохлов (Самара, Россия), П. С. Медведева (Челябинск, Россия).** Данные палеоантропологии как источник для реконструкции процесса сложения и социальной стратификации общества (по материалам синташтинских и потаповских памятников бронзового века) 225
- М. А. Балабанова (Волгоград, Россия).** Детские погребения срубной культурно-исторической общности как объект междисциплинарного исследования . . 245

СОЦИАЛЬНЫЕ СИМВОЛЫ

- А. В. Колесник (Донецк, Украина).** Эволюция взглядов на клады кремневой продукции юга Днепро-Донского междуречья: от сокровищ к культовым объектам 259
- Н. Б. Виноградов (Челябинск, Россия).** Символы топора в социально-культурной практике у населения позднего бронзового века Южного Зауралья 273

ИССЛЕДОВАНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ

- А. И. Королев, А. Ф. Кочкина, Д. А. Сташенков, А. А. Хохлов, Н. В. Рослякова (Самара, Россия).** Уникальное погребение могильника эпохи раннего энеолита Екатерининский мыс на Средней Волге 285
- В. В. Титов, В. Ф. Кашибадзе, К. В. Дюжова, Г. В. Ковалева, С. В. Куршаков (Ростов-на-Дону, Россия), П. Д. Фролов, А. С. Тесаков (Москва, Россия).** Палеоэкологические характеристики энеолита Нижнего Дона (на основании материалов из многослойного памятника Раздорское I) 303
- Н. В. Рындина (Москва, Россия), А. Д. Дегтярева (Тюмень, Россия).** Цветной металл ямной культурно-исторической области из памятников Украины: морфология и технология изготовления 317
- В. А. Борзунов (Екатеринбург, Россия).** Варианты реконструкции и тенденции развития стационарных жилищ эпох камня и бронзы таёжной зоны Западной Сибири 347

ДИСКУССИИ

- Л. С. Клейн (Санкт-Петербург, Россия).** Ямная миграция и теоретические искания . . 379
- Список сокращений.** 389
- Авторам *Stratum plus*** 391

CONTENTS

SOCIETY AS MIRRORED BY ARCHAEOLOGICAL SOURCES

SOCIAL STRUCTURES AND MODELS

- N. B. Burdo** (*Kiev, Ukraine*). **Structure and Social Models of the Cucuteni A — Trypillia BI Culture** 17
- N. L. Morgunova, A. A. Fayzullin** (*Orenburg, Russian Federation*). **The Social Structure of the Yamnaya (Pit-Grave) Culture of the Volga-Ural Interfluve** 35
- L. Nikolova** (*Salt Lake City, USA*). **Dubene and Troy: Gold and Prosperity in the Third Millennium Cal. BCE in Eurasia** 61
- N. I. Shishlina, E. S. Azarov, T. D. Dyatlova** (*Moscow, Russian Federation*), **N. V. Roslyakova** (*Samara, Russian Federation*), **O. P. Bachura** (*Yekaterinburg, Russian Federation*), **J. van der Plicht** (*Groningen, Netherlands*), **P. I. Kalinin** (*Pushchino, Russian Federation*), **I. A. Idrisov** (*Makhachkala, Russian Federation*), **A. V. Borisov** (*Pushchino, Russian Federation*). **Innovative Seasonal Migrations and Subsistence System of the Mobile Pastoralists of the Desert-Steppe Zone of Eurasia: role of social groups** . . . 69
- A. V. Epimakhov** (*Chelyabinsk, Russian Federation*). **Social Structures in Frontier Conditions: case-study for the Bronze Age in the Southern Trans-Urals** 91

SOCIOLOGY OF SETTLEMENTS

- N. S. Kotova** (*Kiev, Ukraine*), **P. Stadler** (*Vienna, Austria*). **Sites in Brunn-am-Gebirge and the Problem of the Hierarchy of the Oldest Linear Pottery Culture Settlements** . 109
- O. V. Tuboltsev** (*Zaporizhzhya, Ukraine*), **S. B. Radchenko** (*Kiev, Ukraine*). **Generalka 2 and Causewayed Enclosures: examples of the polar worldview reflection of ancient Europe population** 119
- I. V. Chechushkov** (*Pittsburg, USA*), **A. S. Yakimov** (*Tyumen, Russian Federation*), **O. P. Bachura** (*Yekaterinburg, Russian Federation*), **Yan Chuen Ng** (*Pittsburg, USA*), **E. N. Goncharova** (*Yekaterinburg, Russian Federation*). **Social Organization of the Sintashta-Petrovka Groups of the Late Bronze Age and a Cause for Origin of Social Elites (Based on Materials of the Settlement of Kamenny Ambar)** 149

SOCIOLOGY OF BURIALS

- S. V. Vasilyev** (*Moscow, Russian Federation*), **R. V. Smolyaninov** (*Lipetsk, Russian Federation*), **S. B. Borutskaya** (*Moscow, Russian Federation*), **A. N. Bessudnov** (*Lipetsk, Russian Federation*). **Neolithic-Eneolithic Population of the Upper Don Region and its Burial Customs (by the materials of the burial ground Ksizovo 6)** 167
- M. B. Mednicova** (*Moscow, Russian Federation*), **N. A. Museibli** (*Baku, Azerbaijan*), **S. N. Korenevskiy** (*Moscow, Russian Federation*). **Infant Burials of the Leila-tepe Culture of the Chalcolithic Age on the Settlement Galaeri in Azerbaijan: an effort of bioarchaeological study** 197
- N. A. Berseneva** (*Chelyabinsk, Russian Federation*). **Social Dimensions of the Cremation Burial Rite in Bronze Age Societies of the Southern Ural Region** 211

E. P. Kitov (<i>Moscow, Russian Federation</i>), A. A. Khokhlov (<i>Samara, Russian Federation</i>), P. S. Medvedeva (<i>Chelyabinsk, Russian Federation</i>). Paleoanthropological Data as a Source of Reconstruction of the Process of Social Formation and Social Stratification (based on the Sintashta and Potapovo sites of the Bronze Age)	225
M. A. Balabanova (<i>Volgograd, Russian Federation</i>). Children's Burials of the Srubnaya Culture as an Object of Interdisciplinary Study	245

SOCIAL SYMBOLS

A. V. Kolesnik (<i>Donetsk, Ukraine</i>). Evolution of Views by the Hoards of Flint Objects in the South of the Dnieper-Don Interfluvium: from hidden treasures to cult objects . . .	259
N. B. Vinogradov (<i>Chelyabinsk, Russian Federation</i>). The Symbols of the Axe in Socio- Religious Practice among the Population of the Late Bronze Age of South Transurals	273

RESEARCH AND PUBLICATIONS

A. I. Korolev, A. F. Kochkina, D. A. Stashenkov, A. A. Khokhlov, N. V. Roslyakova (<i>Samara, Russian Federation</i>). The Unique Burial of the Ekaterinovskiy Cape Early Eneolithic Cemetery in the Middle Volga Region	285
V. V. Titov, V. F. Kashibadze, K. V. Dyuzhova, G. V. Kovaleva, S. V. Kurshakov (<i>Rostov-on- Don, Russian Federation</i>), P. D. Frolov, A. S. Tesakov (<i>Moscow, Russian Federation</i>). Paleoecological Features of Eneolithic of the Lower Don Region (by Materials of Multilevel Site Razdorskoe I)	303
N. V. Ryndina (<i>Moscow, Russian Federation</i>), A. D. Degtyareva (<i>Tyumen, Russian Federation</i>). Non-ferrous Metal of the Yamnaya Cultural-Historical Area from Sites of Ukraine: morphology and production technology	317
V. A. Borzunov (<i>Yekaterinburg, Russian Federation</i>). Variants of Reconstruction and Development Trends of Stone and Bronze Age Stationary Dwellings in the Taiga Zone of Western Siberia	347

DISCUSSIONS

L. S. Klejn (<i>Saint Petersburg, Russian Federation</i>). Yamnaya Migration and Theoretical Search	379
List of Abbreviations	389
Submissions	391

Е. П. Китов, А. А. Хохлов, П. С. Медведева

Данные палеоантропологии как источник для реконструкции процесса сложения и социальной стратификации общества (по материалам синташтинских и потаповских памятников бронзового века)

Keywords: South Urals, Volga-Ural region, Bronze Age, Sintashta culture, Potapovo sites, craniological variants, anthropological components, social status

Cuvinte cheie: Uralul de Sud, regiunea Volga-Ural, epoca bronzului, cultura Sintashta, monumente de tip Potapovo, variante craniologice, componente antropologice, statut social

Ключевые слова: Южный Урал, Волго-Уральский регион, бронзовый век, синташтинская культура, потаповский тип памятников, краниологические варианты, антропологические компоненты, социальный статус

E. P. Kitov, A. A. Khokhlov, P. S. Medvedeva

Paleoanthropological Data as a Source of Reconstruction of the Process of Social Formation and Social Stratification (based on the Sintashta and Potapovo sites of the Bronze Age)

The paper is devoted to the analysis of craniological materials from the cemeteries of the Bronze Age of the Volga-Ural region (Sintashta and Potapovo assemblages). The characteristic feature of the physical appearance of this population is the combination of different morphological variations with a dominant and the presence of the Uraloid components. At the same time, a group of individuals with a specific, different from other individuals, skull structure is distinguished: matured, broad-faced men with a set of striking features in the face. Analysis of the funerary rites of these individuals indicates their high social status in the Sintashta-Potapovo society. The addition of such an anthropological complex occurred in the Eneolithic on the territory of modern Kazakhstan as a result of contacts of steppe sharply profiled Europeoid populations and groups of Uraloid origin. This led to the formation of a population, originally of metisic origin, conventionally called "steppe Kazakhstan", which took part in the process of morphogenesis, and, indirectly, the cultural genesis of Sintashta and Potapovo communities.

E. P. Kitov, A. A. Khokhlov, P. S. Medvedeva

Datele paleoantropologice ca sursă pentru reconstruirea procesului de constituire și stratificare socială a societății (pe baza materialelor monumentelor de tip Sintashta și Potapovo din epoca bronzului)

Lucrarea este dedicată analizei materialului craniologic din necropolele epocii bronzului din regiunea Volga-Ural (cultura Sintashta și vestigiile de tip Potapovo). Trăsătura caracteristică a aspectului fizic al acestor populații este îmbinarea unor diverse variații morfologice, cu dominantă europoidă și prezența componentei uraloide. Alături de aceste populații se evidențiază un grup de indivizi cu un set de particularități craniologice specifice. Sunt bărbați maturi, lași la față, cu un sortiment de particularități pronunțate în construcția feței. Analiza ritului funerar al acestor indivizi indică statutul lor social înalt în societatea Sintashta-Potapovo. Constituirea populației cu particularități antropologice caracteristice a avut loc, probabil, în eneolitic pe teritoriul actualului Kazahstan ca rezultat al contactelor populațiilor de stepă (cu aspect europoid) cu grupurile de populație locală de tip uralo-cazah (de aspect uraloid). Acest fenomen a dus la formarea unei pătri de populație, de la bun început de proveniență metisă, numită convențional „cazahă de stepă”, care a participat la procesul de morfogeneză, și, indirect, la geneza culturală a comunităților de tip Sintashta și Potapovo.

Е. П. Китов, А. А. Хохлов, П. С. Медведева

Данные палеоантропологии как источник для реконструкции процесса сложения и социальной стратификации общества (по материалам синташтинских и потаповских памятников бронзового века)

Работа посвящена анализу краниологических материалов из могильников бронзового века Волго-Уральского региона (синташтинская культура и потаповский тип памятников). Характерной чертой физического облика данных популяций является сочетание различных морфологических вариаций, с доминантой европеоидного и присутствием уралоидного компонента. Вместе с тем, выделяется группа лиц со специфическим набором краниологических признаков. Это матуризованные, широколицые мужчины с набором ярких особенностей в строении лица. Анализ погребального обряда данных индивидов указывает на высокий социальный статус в синташтинско-потаповском обществе. Сложение населения с характерными антропологическими особенностями, вероятно, произошло в энеолите на территории современного Казахстана в результате контактов степных популяций (европеоидного облика) и групп местного урало-казахстанского населения (уралоидного облика). Это привело к формированию пласта населения, изначально метисского происхождения, условно названного «степной казахстанский», который принял участие в процессе морфогенеза, и, опосредованно, культурогенеза синташтинских и потаповских общностей.

Введение

Исследование в Волго-Уральском регионе синташтинских и потаповских памятников позднего бронзового века открыло новую яркую страницу древней истории степной и лесостепной зоны Евразии. Прежде всего, эти культурные общности привлекают внимание значительным количеством инноваций в социально-экономической сфере. Сюда можно отнести распространение на компактной территории степного Зауралья серии укрепленных поселений и связанных с ними курганных могильников, формирование комплексного скотоводческого хозяйства, освоение новых источников медного сырья, колесничный комплекс, утверждение упорядоченной социальной стратификации и т.д. Большинство исследователей сходятся во мнении, что появление синташтинского населения на Южном Урале и потаповского — в Поволжье стало результатом миграции; однако вопрос происхождения вызывает ожесточенные дискуссии. В качестве претендентов на роль предков синташтинских и потаповских популяций упоминаются степные группы посткатакомбного мира, полтавкинские, постъямные Южного Урала, лесостепная баланбашская, ботайско-терсекская Казахстана, учитывается также влияние сейминско-турбинской культуры. Нет единого мнения и относительно территории синташтинско-потаповского культурогенеза: рассматриваются лесостепные пространства Волго-Уралья, степного Зауралья и Северного Казахстана (Смирнов, Кузьмина 1977: 51—57; Потемкина 1983: 275—281; Горбунов 1992: 143—153; Васильев, Кузнецов, Семенова 1994: 74—81, 86—87; Зданович, Зданович 1995: 51—54; Логвин 1995: 88—95; Бочкарев 2010: 57—58; Ткачев 2000: 37—66; Епимахов 2002: 71—78; Кузнецов 2010; Виноградов 2011: 78—90 и др.). Другая точка зрения предполагает распространение синташтинского населения на Южном Урале в результате прямой миграции их предков с территории Северной Сирии и Анатолии (Григорьев 2010), либо из районов Средней Азии (Шишлина, Хилберт 1996: 90—92).

С вопросом происхождения тесно связана проблема социального устройства. В работе А. В. Епимахова, посвященной материалам могильника Каменный Амбар-5, была высказана идея, что синташтинские могильники служили усыпальницами для элитной группы населения (Епимахов 2005: 168). Согласно другому мнению, синташтинское население было полиэтничным, а их «протогорода» функцио-

нировали как металлургические ремесленные центры, контролируемые некоей знатью (Кузнецов 1996: 40—43). Синташтинские общины также определяются как транскультурный феномен, объединяющий кланы горняков-металлургов-кузнецов-литейщиков нескольких соседних культур: абашевской, протосрубной и, в меньшей степени, носителей квазиэнеолитических культур Северного Казахстана (Виноградов 2017: 43).

В связи с неугасающими спорами о генезисе и социальном устройстве синташтинского и потаповского общества актуальным представляется обращение к палеоантропологическому материалу. Он является ценным источником для выделения в популяциях слагающих компонентов и, таким образом, для исторических реконструкций как в области расогенеза, так и, опосредованно, культурогенеза.

Особенности физического облика синташтинского и потаповского населения по краниологическим данным

Тема генезиса физического облика носителей потаповских и синташтинских культурных традиций неоднократно поднималась в ряде тематических публикаций, однако необходимо перечислить ряд ключевых положений. Прежде всего, в качестве яркой особенности подчеркивалась резкая неоднородность антропологических особенностей населения, оставившего памятники этих культурных образований (Хохлов 1996; 2000; 2010; Хохлов, Китов 2014). Неоднородность проявляется как на межгрупповом, так и на внутригрупповом уровнях. На основе результатов межгруппового анализа отмечено, что краниологические выборки имеют близость к населению носителей традиций разных археологических культур. В частности, некоторые мужские группы погребенных в могильниках Потаповский I, Утевский VI, Танаберген II сближаются с хронологически предшествующими сериями степей Волго-Уралья — полтавкинской и катакомбной Восточного Маньчга. Приуральская выборка из могильника Буланово (У горы Березовой) демонстрирует признаки умеренной уплощенности лицевого отдела и близка сериям западносибирской лесостепи — антропологическим материалам кротовской и черкаскульской археологических культур, а также могильника Ростовка I. Синташтинская выборка из могильника Кривое Озеро (причем как мужская, так и женская) оказалась ближе к сериям с южноевропейскими харак-

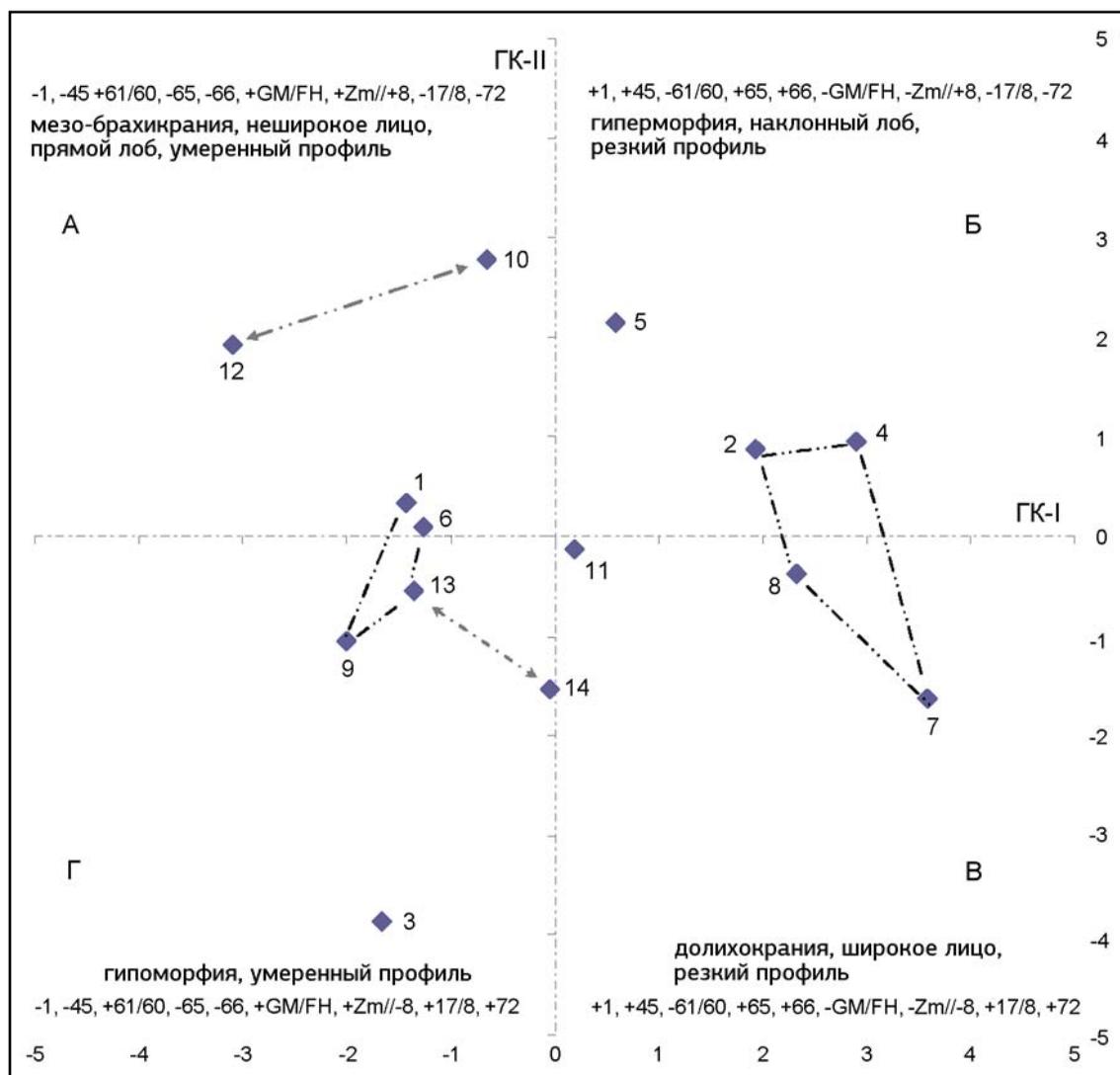

Рис. 1. Мужские черепа из синташтинских и потаповских погребений в графическом пространстве GK-I и GK-II. 1 — Потаповский I, курган 5, погребение 3; 2 — Потаповский I, курган 5, погребение 8, скелет 1; 3 — Потаповский I, курган 5, погребение 13, скелет 1; 4 — Потаповский I, курган 5, погребение 16; 5 — Утевский VI, курган 6, погребение 2, скелет 1; 6 — Утевский VI, курган 6, погребение 5, скелет 2; 7 — Утевский VI, курган 6, погребение 6; 8 — Грачевка I, курган 1, погребение 1; 9 — Красносамарский IV, курган 2, погребение 1; 10 — Буланово (У горы Березовой), погребение 4; 11 — Буланово (У горы Березовой), погребение 5; 12 — Буланово (У горы Березовой), погребение 9; 13 — Танаберген II, курган 7, погребение 36; 14 — Большекараганский, курган 25, погребение 9. Примечание: в углах графика перечислены признаки, по которым дифференцированы черепа.

Fig. 1. Male skulls from Sintashta and Potapovo burials in the graphic space of GK-I and GK-II. 1 — Potapovo I, barrow 5, burial 3; 2 — Potapovo I, barrow 5, burial 8, skeleton 1; 3 — Potapovo I, barrow 5, burial 13, skeleton 1; 4 — Potapovo I, barrow 5, burial 16; 5 — Utyovka VI, barrow 6, burial 2, skeleton 1; 6 — Utyovka VI, barrow 6, burial 5, skeleton 2; 7 — Utyovka VI, barrow 6, burial 6; 8 — Grachevka I, barrow 1, burial 1; 9 — Krasnosamarskiy IV, barrow 2, burial 1; 10 — Bulanovo (U gory Berezovoy), burial 4; 11 — Bulanovo (U gory Berezovoy), burial 5; 12 — Bulanovo (U gory Berezovoy), burial 9; 13 — Tanabergen II, barrow 7, burial 36; 14 — Bolshekaragansky, barrow 25, burial 9. Note: differential principles for the skulls are listed in the corners of the chart.

теристиками Среднего Поволжья (балановская культура) и Средней Азии (Джаркутан, Сапаллитепа, Гонур) (Хохлов, Китов 2014: 140—141).

Результаты внутригруппового анализа краниологии синташтинско-потаповских комплексов убедительнее будет показать при помощи метода главных компонент мно-

гомерной статистики. Здесь, в силу плохой сохранности ряда находок, для такого анализа может быть использована лишь часть имеющихся черепов, в данном случае 14 мужских и 13 женских.

На графике распределения мужских черепов (рис. 1) можно отметить две небольших концентрации серий. Справа (сектора Б, В)

что совокупность волго-уральских черепов обнаруживает тенденцию в сторону гиперморфного сложения, но, в отличие от сравнительного анализа мужских серий той же территории, характеризуется умеренным горизонтальным профилем лица на верхнем уровне. Синташтинские черепа восточного ареала распространения культуры, напротив, имеют тенденцию в сторону относительно гипоморфных, резко профилированных комплексов.

Итак, в могильниках рассматриваемого блока культур можно видеть отчетливое проявление разных краниологических комплексов, которые можно связать, по всей видимости, с разными по происхождению группами населения. Доминирует типично европеоидный комплекс, причем в разных сочетаниях признаков. Отчетливо представлены черепа мезокранные, широколицые (могильники Потаповский I, Утевский VI, Буланово (У горы Березовой)). В выборках могильников Большекараганский и Танаберген II — долихокранные, широколицые или среднешироколицые. Доля долихокранных, узколицых, черепов увеличена в серии Кривое Озеро и доминирует в совокупных выборках из могильников Танаберген II, Восточно-Курайлинский II (последний относится к петровской культуре). Определенно можно выделить черепа в целом мезоморфные, с умеренной горизонтальной профилировкой лица, их можно отнести к *уралоидным*. Они встречаются практически во всех выборках синташтинско-потаповских памятников. Свообразные по структуре черепа представлены в могильнике Буланово (У горы Березовой) синташтинского времени. Они сочетают в себе синкретичные черты, в том числе абашевские и сейминско-турбинские (Халяпин 2010). Данные черепа имеют некоторые аналогии в материалах западносибирского могильника Ростовка I. Причем один череп из погребения 8 могильника Буланово (У горы Березовой) по комплексу черт типично монголоидный (Хохлов 2009; Хохлов, Китов 2009).

Аналогии типичным южноевропеоидным комплексам азиатского происхождения в синташтинско-потаповских выборках подобрать сложно, что усугубляется малочисленностью коллекций. Конечно, учитывая мобильность синташтинских групп, нельзя отрицать вероятности инкорпорации в их состав представителей южных европеоидов. Но это совсем другой формирующий механизм, нежели доминирующее влияние мигрантных групп. В этой же связи можно было бы обратить внимание на возможность

участия в сложении потаповского и синташтинского населения представителей абашевской и, возможно, балановской культур, в среде которых также зафиксирован долихокранный европеоидный антропологический компонент.

Обобщая все возможные варианты происхождения синташтинских и потаповских памятников, мы можем найти морфологические комплексы, свойственные представителям разных археологических культур. В первую очередь, это общности Волго-Уральской, а также Северо-Казахстанской лесостепной и степной зон. В частности, это относится к населению таких археологических культур, как полтавкинская, катакомбная, тамаруткульская, криволукская, абашевская, а также потомкам ботайско-терсекского населения и ямной культуры Западного Казахстана. Представители последней имели собственные морфологические черты, выделяясь на фоне восточноевропейских степных групп своеобразным сочетанием: умеренный горизонтальный профиль лица на фоне общей матуризации, массивность скуловых отростков и их своеобразный разворот верхнечелюстных костей, короткие носовые косточки в ринальной части с характерной М-образной вырезкой и большим углом выступления в профиль (Хохлов, Китов 2015: 133; Хохлов 2017: 114—115). Для бронзового века степной Евразии подобное мозаичное распределение представителей различных антропологических вариантов в одном могильнике, а точнее, в каждом кургане — ситуация уникальная. Подобная картина не находит аналогий ни среди серий предшествующего времени (ямных и катакомбных культур), ни среди последующих (срубных и андроновских общностей).

Специфический краниологический комплекс в синташтинских и потаповских погребениях Волго-Уралья

Тем не менее, на фоне общей мозаичности и некоего «хаоса» при рассмотрении антропологической картины мы можем выделить специфический комплекс мужских черепов, сильно отличающийся по совокупности характеристик от остальной краниологической выборки из памятников синташтинской культуры и потаповского типа. Индивидов этого комплекса можно в целом охарактеризовать как матуризованных, широколицых европеоидов, имеющих ряд специфических черт в строении лица: развернутые и уплощенные скуловые кости, сильное выступание носа,

Таблица 1.

Особенности погребального обряда индивидов со специфическими краниологическими особенностями из синташтинских и потаповских могильников Волго-Уралья

№	Могильник	Территория	№ кургана, погребения	Надмогильное сооружение	Место погребальной площадки	Могильная яма (форма, размеры (длина, ширина, глубина), ориентировка)	Количество погребенных	Пол, возраст погребенных	Поза, ориентировка погребенных	Признаки нарушения гребеня	Жертвенные животные	Погребальный инвентарь	Культурная принадлежность	Источник
1	Большекараганский	Кизильский р-н, Челябинская область	Курган 25, погребение 24	Земляная насыпь аморфной формы диаметром 20 м, высотой 0,3 м	Ров	Подпрямоугольная, 2,3×1,6×3,6 м, СВ-ЮЗ	2 (?)	Костяк 1 — мужчина, 35—50 лет; костяк 2 (кости руки) — взрослая женщина	Исходное положение костяка нарушено	+	Череп и конечности двух лошадей, череп и конечности одной особи КРС; череп и конечности двух овец	Три керамических суда (два горшечных, один баночный)	Синташтинская	Зданович 2002: 76—84
2	Большекараганский	Кизильский р-н, Челябинская область	Курган 11, погребение 7	Земляная насыпь овальной формы размером 27×22 м, высотой 0,6 м	Центральное	Подпрямоугольная, 2,2×1,9×1,8 м, СЗ-ЮВ	1	Мужчина, 25—35 лет	Скорчено на правом боку, головой на ВЮВ.	+	Отсутствуют	Один керамический сосуд горшечной формы	Синташтинская	Боталов и др. 1996: 68, 71
3	Кривое Озеро	Троицкий р-н, Челябинская область	Курган 10, погребение 3	Земляная насыпь округлой формы диаметром 18 м, высотой 0,44 м	Центральное	Подпрямоугольная, 2,65×2,25×2,4 м, ССЗ-ЮЮВ	1	Мужчина, 50—55 лет	Скорчено на левом боку головой на СЗ	—	Два черепа, ребра и конечности МРС; 5 черепов, позвонки и конечности КРС	Обломки шлаковых лепешек, кусок руды (малахита), бронзовый кинжал, фрагменты бронзовых браслетов, бронзовое шило, 4 обломка бронзовых скрепок, костяной диск, раковина речного моллюска, 6 керамических сосудов	Синташтинская	Виноградов 2003: 133—140; Виноградов и др. 2017
4	Степное	С. Степное, Пластовский район, Челябинская область	Курган 4, яма 8	Нет данных	Центральное	Подпрямоугольная, 2,8×1,4×1,8 м, С-Ю	1	Мужчина, 40—50 лет	Исходное положение костяка нарушено, предположительно на левом боку скорчено, головой на юг	+	Отсутствуют	Две бронзовые обоймы, керамический сосуд горшечной формы	Синташтинская	Зданович 2013: 68—69, 71—73

№2. 2018

Таблица 1 (окончание).

№	Могильник	Территория	№ кургана, погребения	Надмогильное сооружение	Место погребальной площадки	Могильная яма (форма, размеры (длина, ширина, глубина), ориентировка)	Количество погребенных	Пол, возраст погребенных	Поза, ориентировка погребенных	Признаки нарушения погребения	Жертвенные животные	Погребальный инвентарь	Культурная принадлежность	Источник
5	Танаберген II	Актобинский р-н, Актобинская область, Казахстан	Курган 7, погребение 25	Земляная насыпь овальной формы размером 26×22 м, высотой 0,37 м	Центральное в северной части площадки	Подквадратная, 2,15×1,95×1,3 м, ВСВ-ЮОЗ	1	Мужчина, 35—45 лет	Скорчено на левом боку головой на запад	—	Три черепа лошади	Каменный пест, каменный молот, бронзовый нож, бронзовое тесло, бронзовое шило, кварцитовый наконечник стрелы, керамический сосуд горшечной формы	Синташтинская	Ткачев 2007: 33—35
6	Буланово (У горы Березовой)	С. Буланово, Октябрьский р-н, Оренбургская область	Погребение 4	Надмогильных сооружений не прослежено	Нет данных	Ориентировка СВ-ЮЗ	1	Мужчина, 30—40 лет	Вытянуто на спине головой на ЮЗ, руки согнуты на тазе и животе.	+	Нет данных	Бронзовый наконечник пилочки в костяной рукоятке, 5 кремневых наконечников стрел	Синташтинская (сейминско-турбинская?)	Халпаин 2001: 420
7	Потаповский I	С. Потаповка, Красноярский р-н, Самарская область	Курган 5, погребение 8	Земляная насыпь округлой формы диаметром 32 м, высотой 0,32 м	Центральное	Подпрямоугольная, 3,47×2,57×1,27 м, ВСВ-ЮОЗ	2	Костяк 1 — мужчина, 35—45 лет; костяк 2 — ребенок 7—8 лет	Костяк 1 (взрослый) — на спине, головой на запад в центре ямы, ноги вытянуты, руки в стороны, верхняя часть потревожена. Костяк 2 — на левом боку скорчено.	—	Череп и конечности лошади, череп собаки	Три роговых щитовых псалля, изделие из рога, пест, два медных ножа, 10 кремневых наконечников, три керамических сосуда горшечной формы	Потаповская	Васильев и др. 1994: 32—35
8	Утевский VI	С. Утевка, Нефтегорский р-н, Самарская область	Курган 6, погребение 6	Земляная насыпь округлой формы диаметром 24 м	Центральное	Подпрямоугольная, 3,42×1,97×2,4 м, ЮЮЗ-ССВ.	1	Мужчина зрелого возраста	Слабоскорчено на левом боку головой на восток	—	Кости ИРС, МРС, жертвенники из двух черепов быков, трех черепов и конечностей лошадей, челюсть собачьи (?)	Фрагменты литейной формы, два сопла, три костяных щитовых псалля, костяной диск с отверстием, медный нож, медный серп, медное тесло, медное долото, медная игла, 4 кремневых наконечника стрел, керамический сосуд горшечной формы	Потаповская	Кузнецов, Плакшин, 2004: 96

Таблица 2.

Краниологические данные по мужским черепам со специфическими особенностями из синташтинских и потаповских погребений

Могильник		Большекараганский		Степное I	Кривое Озеро	Танаберген II	Буланово (У горы Березовой)	Потаповский I	Утевский VI
Признак		К. 25, п. 24	К. 11, п. 7	К. 4, п. 8	К. 10, п. 3	К. 7, п. 25	П. 4	К. 5, п. 8, ск. 1	К. 6, п. 6
Линейные									
1.	Продольный диаметр	198,0	187,0	203,0	182,0	206,0?	175,0	190,0	200,0
8.	Поперечный диаметр	144,5	140,0	126,0??	135,0	139,0	151,0	143,0	133,0
17.	Высотный диаметр	141,0	139,0	—	133,0	—	142,0	145,0	157,0
20.	Ушная высота	119,5	115,0	—	113,0	121,0	120,0	116,0	126,0
5.	Длина осн. черепа	105,5	104,0	—	114,5	—	101,0	106,0	128,0
9.	Наимен. ширина лба	101,5	100,0	101,0??	94,0	96,0	100,0	99,0	95,0
10.	Наибол. ширина лба	125,0	126,0	—	115,0	110,0	122,0	119,0	117,0
11.	Ширина осн. черепа	127,6	129,0	—	121,0	122,0	135,0	131,0??	123,0
12.	Ширина затылка	110,6	119,0	—	113,0	107,0	119,0	113,0	113,0
29.	Лобная хорда	125,0	112,0	110,0	108,5?	122,0	114,0	123,0	120,0
30.	Теменная хорда	121,3	123,0	—	—	115,0	111,0	122,0	114,0
31.	Затылочная хорда	98,0	101,0	—	—	93,0	94,5	97,0	103,0
40.	Длина осн. лица	100,0	112,0	—	104,0	—	99,0	102,0	123,0
43.	Верхняя ширина лица	114,0	111,0	116,0	108,0?	112,0	107,0	110,0	109,0
45.	Скуловой диаметр	141,2	141,0	133,0??	145,0?	129,0??	141,0	146,0	143,0
46.	Средняя ширина лица	103,0	99,0	—	—	—	94,4	105,0	101,0
47.	Полная высота лица	—	117,0	134,0	144,0?	—	121,0	128,0	128,0
48.	Верхняя высота лица	67,4	67,0	80,0?	81,0?	75,0	70,0	77,0	75,0
51.	Ширина орбиты	41,8	46,3	48,1 пр	51,0 пр.	45,7 пр.	41,9	43,5	45,4
51a.	Ширина орбиты от d.	40,3	41,5	—	47,6 пр.	43,9? пр.	40,2		42,0
52.	Высота орбиты	30,3	30,5	30,2 пр.	37,6 пр.	33,7 пр.	31,2	32,0	33,8
54.	Ширина носа	26,4	27,0	26,0?	47,7	24,5?	24,0	21,8	24,8
55.	Высота носа	52,7	49,6	61,0	57,0	54,3	50,5	55,0	51,2
60.	Длина альвеол. дуги	54,9	—	—	50,0?	—	54,0	60,0	59,5
61.	Шир. альвеол. дуги	66,2	—	64,0??	—	—	64,0	65,0	65,5
62.	Длина неба	45,8	—	—	—	—	47,6	51,8	—
63.	Ширина неба	43,0?	—	—	—	—	40,3	44,0?	45,3
sc.	Симотическая ширина	11,3	8,6	8,0	8,5	9,1	9,0	8,1?	8,1
ss.	Симотическая высота	5,5	4,3	2,0??	6,5	5,1	—	6,1?	5,5
mc.	Максиллофр. ширина	24,0	21,0	22,5	20,1	22,3	20,0	20,8?	17,4
ms.	Максиллофр. высота	8,0	7,5	6,5	13,6	10,0	—	9,1?	7,5
dc.	Дакриальная ширина	25,3	26,5	—	—	—	—	24,0?	—
ds.	Дакриальная высота	13,0	12,0	—	—	—	—	13,6?	
FC.	Глуб. клыковой ямки	6,8	4,6	5,0? Пр.	5,8	4,5 пр.??	5,7	4,0?	4,6
Угловые									
32.	Наклона лба	84,0	90,0	—	71,0	—	85,0	82,0	75,0
GM/FH	Профиля лба от g.	76,0	85,0	—	64,0	—	79,0	81,0	67,0
72.	Общелицевой	86,0	81,0	—	90,0	—	83,0	81,0	82,0
73.	Среднелицевой	86,0		—	88,0	—	8,0	82,0	88,0
74.	Альвеолярной части	86,0		—	96,0	—	73,0	74,0	72,0
75(1).	Выступания носа	37,0	42,0	—	32,0	29	25,0??	36,0	35,0
77.	Назомаллярный	142,0	138,1	137,0	—	132	142,0	136,0	135,0
zm.	Зигомансиллярный	134,0	116,8	—	—	—	131,0	126,3	120,0

Таблица 2 (окончание).

Могильник		Большекараганский		Степное I	Кривое Озеро	Танаберген II	Буланово (У горы Березовой)	Потаповский I	Утевский VI
Признак		К. 25, п. 24	К. 11, п. 7	К. 4, п. 8	К. 10, п. 3	К. 7, п. 25	П. 4	К. 5, п. 8, ск. 1	К. 6, п. 6
Указатели									
8/1.	Черепной	73,0	74,9	62,1??	74,2	—	86,3	75,3	66,5
17/1.	Высотно-продольный	71,2	74,3	—	73,1	—	81,1	76,3	78,5
17/8.	Высотно-поперечный	97,6	99,3	—	98,5	—	94,0	101,4	118,0
20/1.	Высотно-прод. от р.	60,4	61,5	—	62,1	—	68,6	61,1	63,0
20/8.	Высотно-попер. от р.	82,7	82,1	—	83,7	87,1	79,5	81,1	94,7
40/5.	Выступания лица	94,8	107,7	—	90,8	—	98,0	96,2	96,1
48/45.	Верхнелицевой	47,7	47,5	60,2??	55,9?	58,1??	49,6	52,7	52,4
52/51.	Орбитный	72,5	65,9	62,8 пр.	73,7 пр.	73,7 пр.	74,5	73,6	74,4
54/55.	Носовой	50,1	54,4	42,6?	83,7	45,1?	47,5	39,6	48,4
ss/sc.	Симотический	48,7	50,0	25,0??	76,5	56,0	—	75,3	67,9
Описательные									
Надпереносье		4,5	4	4,5	2,0	5,0	3,0	4,0	5,0
Затыл. бугор.		3,0	3	3,0	3,0	5,0	1,5	3,0	3,5
Сосцев. отр.		2,5	3	3,0	2,0	2,0	1,5	3,0	3,0
Пер.-носов. к.		4,0	3	—	3,0	—	3,0	—	4,0
Нижняя челюсть									
65.	Мышечковая ширина	—	120,0	118,0	103,0	—	126,0	128,0	125,5
66.	Угловая ширина	—	99,0	116,0	103?	—	120,0	116,0	107,0
67.	Передняя ширина	—	52,0	50,0	52,0	—	49,0	47,0	49,0
69.	Высота симфиза	—	36,0	40,0	42,0	—	36,5	36,0	38,0
69(1).	Высота тела	—	34,0	42,5	47,0	—	35,5	36,0	38,0
69(3).	Толщина тела	—	15,0	13,5	12,0	—	11,0	13,0	12,0
70.	Высота ветви	—	73,0	—	61,0	—	—	70,0	—
71а.	Наимен. ширина ветви	—	41,0	39,0	43,0	40,0 пр.	38,0	39,0	38,5
С.	Угол выст. подбородка	—	—	54,0	55,0	—	68,0	—	68,0

крупное лицо. Череп не выделяются статистически ввиду их немногочисленности (как правило, один такой человек на курган) и сохранности, однако типологически и визуально сильно отличаются от остальных краниокомплексов, представленных в каждом памятнике, на одной погребальной площадке.

В выборку для данного исследования были включены 8 мужских черепов из семи погребальных памятников бронзового века лесостепного Поволжья, приуральных и зауральных степей. Сюда вошли материалы синташтинской культуры (могильники Большекараганский, Кривое Озеро, Степное, Танаберген II, Буланово (У горы Березовой) и потаповского типа (Потаповский I и Утевский VI могильники) (табл. 1). Далее остановимся на краткой характеристике краниологических особенностей каждого индивида (табл. 2).

1. Могильник Большекараганский, курган 25, погребение 24 (рис. 3). Антропологический материал из кургана 25 впервые описал Р.В. Линдстрем. На основании изучения кра-

ниологии автор сделал вывод о принадлежности черепов к протоевропеоидному типу и об отсутствии монголоидности (Зданович и др. 2002: 163). В дальнейшем выборка этого могильника была увеличена и пересмотрена. Было отмечено различие между мужскими и женскими черепами и выделены разные морфологические варианты (Китов 2011; Хохлов и др. 2016: 280—281). Один из них (мужской череп из кургана 25, погребения 9) характеризуется долихокранией, среднешироким лицом, напоминает южноевропеоидный комплекс, но едва ли именно средиземноморского происхождения. Люди с такими характеристиками располагаются как в центральных захоронениях подкурганного пространства (погребения 9 и 10), так и в периферийном (погребение 12). В погребении 12 находилось два женских скелета. Их черепа, хотя и сходны долихокранией и сильно выступающим носом, но один из них умеренно профилирован на зигмаксиллярном уровне, другой, напротив, на назомалярном, и при этом выделяется ма-

Рис. 3. Могильник Большекараганский, курган 25, погребение 24. Череп индивида мужского пола. (Все фото в статье — Е.П. Китова),

Fig. 3. Bolshekaragansky burial ground, kurgan 25, pit 24. The male skull. (All the photos in the article by E.P. Kitov).

Рис. 4. Могильник Большекараганский, курган 11, погребение 7. Череп индивида мужского пола.

Fig. 4. Bolshekaragansky burial ground, kurgan 11, pit 7. The male skull.

лыми по всем признакам носовыми косточками. Возможно, здесь имеется уралоидная примесь. Другой морфологический вариант также долихокраний, но широко- и низколиций (курган 11, погребение 7; курган 25, погребение 24).

Интересующий нас индивид обнаружен в погребении 24. Череп из погребения 24 отличается высокой мозговой коробкой, широким лицом; имеет хорошо выраженные развернутые латерально скуловые кости, как бы доминирующие по величине над высотой тела скулового отростка верхней челюсти, малый зигомаксиллярный угол.

2. Могильник Большекараганский, курган 11, погребение 7 (рис. 4). К сожалению, антропология данного кургана представлена лишь одним черепом. Череп из данного погребения имеет схожие специфические особенно-

сти с описанным выше индивидом из кургана 25: высокая мозговая коробка, широкое лицо, хорошо выраженные развернутые латерально скуловые кости. От предыдущего индивида из кургана 25, описанного выше, отличается по степени горизонтальной профилировки лица и имеет умеренно профилированный зигомаксиллярный угол. Морфологически оба черепа из могильника Большекараганский напоминают краниологический комплекс энеолитического поселения Ботай (рис. 11) (Хохлов, Китов, Нечвалода 2016; Хохлов, Китов 2015).

3. Могильник Кривое Озеро, курган 10, яма 3 (рис. 5). Палеоантропологический материал памятника был описан Г.В. Рыкушиной (Рыкушина 2003), к сожалению, только на индивидуальном уровне. Автор указала наличие в выборке морфологически разных черепов — европеоидных (курган 1,

Рис. 5. Могильник Кривое Озеро, курган 10, погребение 3. Череп индивида мужского пола.

Fig. 5. Krivoye Ozero burial ground, kurgan 10, pit 3. The male skull.

погребение 3; курган 10, погребение 3; курган 10, погребение 34), грацильных европеоидных (курган 9, погребение 7), европеоидного с экваториальными чертами (курган 10, погребение 6). На основании изучения маркеров патологического характера (таких как мастоидиты, мозговые инфекции, а также заболевания зубочелюстного аппарата) автор предположила, что данная группа иммигрировала из другой климатической зоны (Рыкушина 2003: 360).

Как особо специфичный необходимо отметить череп из кургана 10 погребения 3, характеризующийся общей матуризованностью, долихокранией, высокой черепной коробкой, крупным лицевым скелетом, умеренно профилированным по горизонтали с сильно выступающим носом. Необходимо согласиться с наблюдением Г.В. Рыкушиной о присутствии следов гормональных нарушений, которые привели к развитию акромегалии (Рыкушина 2003: 352). Вероятно, это стало причиной изменения размеров лицевого скелета, в первую очередь, высоты и ширины. Но и без учета этих патологий данный череп весьма специфичен.

4. Могильник *Степное*, курган 4, погребение 8 (рис. 6)¹. Женская и мужская серии характеризуются крайней степенью неоднородности. Рассматривая в целом серию с учетом полового диморфизма, можно отметить как южноевропеоидные, степные европеоидные, так и уралоидные черепа в серии и охарактери-

зовать данную серию как гетерогенную. Череп отмеченного нами индивида плохой сохранности, однако очевидна общая матуризованность, долихокраничность, высокая черепная коробка, крупный лицевой скелет, умеренно профилированный по горизонтали с сильно выступающим носом (Китов 2011: 8). Индивид близок по морфологии с черепом из погребения 3 кургана 10 могильника Кривое Озеро.

5. Могильник *Танаберген II*, курган 7, погребение 25 (рис. 7). Женская и мужская серии данного могильника характеризуются крайней степенью неоднородности. Рассматривая в целом серию с учетом полового диморфизма, можно отметить как южноевропеоидные, степные европеоидные, так и уралоидные черепа в серии и охарактеризовать ее как гетерогенную. Череп отмеченного нами индивида можно охарактеризовать, как матуризованный, долихокраничный, лицевой отдел крупный, хорошо профилированный по горизонтали, нос в профиль сильно выступает (Китов 2011; Хохлов 2017: 291—292).

6. Могильник *Буланово (У горы Березовой)*, погребение 4 (рис. 8). Булановская краниологическая серия немногочисленная, отмечена ее полиморфия. Так, в серии имеются долихокраничные, мезокраничные и брахикраничные черепа. Часть из них характеризуется достаточно хорошо профилированным в горизонтальной области лицом, средне или сильно выступающим носом, то есть, обладает европеоидным набором признаков. Свообразно выглядят брахикраничные черепа, происходящие из погребений с сейминско-турбинскими предметами, они имеют заметно ослабленную гори-

¹ Выражаем благодарность Д.Г. Здановичу за возможность использовать неопубликованные материалы.

Рис. 6. Могильник Степное, курган 4, погребение 8. Череп индивида мужского пола.

Fig. 6. Stepnoye burial ground, kurgan 4, pit 8. The male skull.

Рис. 7. Могильник Танаберген II, курган 7, погребение 25. Череп индивида мужского пола.

Fig. 7. Tanabergen II burial ground, kurgan 7, pit 25. The male skull.

горизонтальную профилировку лица, менее выступающие носовые кости по сравнению с другими. Среди них особо выделяется один ювенильного возраста, вероятно, женский. Он характеризуется гипербрахикрацией, низким сводом, узким и наклонным лбом, отчетливой уплощенностью лицевого отдела, высокими орбитами, слабо выступающими, малыми по симметрическим величинам носовыми косточками. Этот череп типично монголоидный, по всей видимости, представляет его западносибирский вариант.

Череп выделенного нами индивида из погребения 4 брахикранный, широколицый, умеренно профилированный по горизонтали, с сильным выступанием носовых костей в профиль (Хохлов, Китов 2009: 5—9; Хохлов 2017: 100, 293—294).

7. Могильник *Потаповский I*, курган 5, погребение 8 (рис. 9). В серии имеются долихокраничные, мезокраничные и брахикраничные черепа. Нужно сказать, что все мужские черепа из погребений данного кургана морфологически отличающиеся — европеоидные. Два женских черепа из кургана 5, погребений 2 и 9 (последний, к сожалению, утерян) по комплексу черт иные. В первую очередь, нужно отметить умеренный горизонтальный профиль лица, а также слабое выступание носовых косточек — черты, свойственные уралоидному краниологическому комплексу (Хохлов 2010а: 114). В интересующем нас погребении 8 находились скелеты взрослого мужчины и ребенка 7—8 лет. Краниологический комплекс мужчины имеет следующие черты: матуризованный, гиперморфный, мезокранный, европеоидный

Рис. 8. Могильник Буланово (У горы Березовой), погребение 4. Череп индивида мужского пола.

Fig. 8. Bulanovo (U gory Berezovoy) burial ground, pit 4. The male skull.

Рис. 9. Могильник Потаповский I, курган 5, погребение 8. Череп индивида мужского пола.

Fig. 9. Potapovo I burial ground, kurgan 5, pit 8. The male skull.

(Яблонский, Хохлов 1994: 192—193; Хохлов 2017: 286—288). На левой теменной кости в районе коронарного шва большое по очертаниям округлое вдавление. Подобное повреждение в виде полукруга фиксируется на левой половине лобной кости. Края трещин не облитерированы. Несомненно, это следы травматического повреждения орудием с округлой соударяющей поверхностью, повлекшего за собой в итоге летальный исход.

8. Могильник Утевский VI, курган 6, погребение 6 (рис. 10). В серии имеются долихокранные, мезокранные и брахикранные черепа. Необходимо отметить, что все мужские черепа из погребений данного кургана — европеоидные, но морфологически сильно отличающиеся друг от друга. Как и в потаповском могильнике, здесь имеется два женских

черепа с умеренной горизонтальной профилировкой лицевого отдела — носители уралоидного краниологического комплекса (погребение 1; погребение 5, скелет 1). Выделенный нами индивид принадлежал крепко сложенному мужчине зрелого возраста. Его череп крупный, массивный, долихокранный, с резко профилированным лицевым отделом и сильно выступающим носом, европеоидный (Хохлов 2017: 288—290).

Таким образом, обобщая характеристики всех выделенных нами по морфологическим особенностям черепов, можно в целом охарактеризовать их как матуризованных, широколицых европеоидов, с рядом специфических черт в строении лица (развернутые и уплощенные скуловые кости, сильное выступание носа, крупное лицо). На общем фоне фи-

Рис. 10. Могильник Утевский VI, курган 6, погребение 6. Череп индивида мужского пола.

Fig. 10. Utyovskij VI burial ground, kurgan 6, pit 6. The male skull.

Рис. 11. Поселение Ботай, скелет 3. Череп индивида мужского пола.

Fig. 11. The Botay settlement, skeleton 3. The male skull.

зических особенностей они очень сильно выделяются. Необходимо отметить, что индивид подобного облика присутствует в каждом кургане синташтинско-потаповского круга. В потаповских захоронениях присутствуют в основном широколицые, мезобрахикранные европеоиды, в синташтинских — чаще встречается долихокраний, широколицый европеоидный комплекс.

Отражение социального статуса индивидов со специфическими краниологическими особенностями в погребальном обряде

Погребальный обряд данных индивидов (табл. 1), в целом, является традиционным для синташтинских и потаповских древностей и характеризуется расположением могил

по кольцевой планировке вокруг одной-трех центральных ям со рвом под земляной курганной насыпью. Примечательно, что большинство скелетов со специфическими краниологическими особенностями данной выборки происходят из центральных ям относительно больших размеров, что указывает на высокий социальный статус умерших. Исключением является образец из Большекараганского могильника (курган 25, погребение 24), где захоронение было совершено во рву, опоясывающем погребальную площадку, и, вероятно, позднее большинства остальных погребений (Зданович и др. 2002: 23). Тем не менее, значительные размеры погребальной камеры (длина 2,3 м, ширина 1,6 м, глубина 3,6 м) и реконструируемая авторами раскопок сложная надмогильная многоярусная конструкция в виде купола не позволяют говорить о подчиненном характере этого погребения в сакраль-

ной иерархии кургана (Зданович и др. 2002: 80—84).

Все погребенные с оригинальной внешностью умерли в зрелом возрасте и, как правило, покоятся в могиле в одиночку (6 случаев), в одном случае представлено парное погребение мужчины с ребенком (Потаповский могильник); спорным фактом представляется присутствие женского погребения, представленного только костями руки, в дополнении к костяку мужчины в кургане 25 Большекараганского могильника.

Обращает на себя внимание богатое погребальное сопровождение усопших. В большинстве могил обнаружены жертвенники из черепов и конечностей двух-трех лошадей, крупного и мелкого рогатого скота (Большекараганский, Кривое Озеро, Танаберген), в потаповских памятниках, помимо всего прочего, встречаются кости черепов собак. Находки костей жертвенных животных отсутствуют в погребениях могильников Степное (курган 4, погребение 8) и Большекараганский (курган 11, погребение 7), что может быть в первом случае объяснено разрушением захоронения в ходе сооружения более поздних впускных ям, а во втором — элементами полтавкинского погребального обряда, на что указывает облик керамики из погребения (Боталов, Григорьев, Зданович 1996: 86).

Установление профессиональной идентичности погребенных по данной небольшой выборке затруднительно, учитывая еще и тот факт, что каждое второе из восьми проанализированных погребений, вероятно, было ограблено в древности. Тем не менее, нужно обратить внимание, что в каждой неразграбленной могиле присутствуют артефакты, связанные с металлопроизводством. Это руда и шлаки (могильник Кривое Озеро), каменный пест или молоток (Танаберген II, Потаповский I), фрагменты литейной формы и сопла (Утевский VI). Тезис о высокой (или даже ключевой) роли металлургии в системе жизнеобеспечения синташтинского населения признается многими исследователями и находит многочисленные подтверждения в виде остатков металлургического процесса на укрепленных поселениях (Епимахов 2002; Виноградов 2017: 43). Однако погребения синташтинской культуры со свидетельствами металлопроизводства, маркирующими прижизненное занятие умершего, составляют не более 16% (Епимахов, Берсенева 2016: 3). Наличие артефактов, связанных с металлургией, во всех непогребенных погребениях со специфическими краниологическими особенностями индивидов наводит на мысль

об их принадлежности к социальной общности горняков-металлургов. Однако ввиду малочисленности выборки окончательные выводы делать преждевременно.

Два потаповских погребения из могильников Потаповский I и Утевский VI отмечены находками предметов колесничного комплекса (псалиев), что добавляет аргументов в пользу тезиса об элитном характере погребений. Керамический комплекс синташтинско-потаповского облика в количестве от одного до шести сосудов присутствовал в шести погребениях. В могильнике Большекараганский (курган 11, погребение 7) сосуд имел полтавкинские черты (Боталов, Григорьев, Зданович 1996: 71). Лишь одно погребение (могильник Буланово (У горы Березовой), погребение 4) не имело керамики в составе погребального инвентаря. Однако стоит обратить внимание на находку в этой могиле бронзового ножа-пилочки в костяной рукоятке сейминско-турбинского типа. В связи с этим М.В. Халяпиным было высказано предположение, что погребенный мужчина (или его предки), будучи выходцем из сейминско-турбинской среды, был инкорпорирован в синташтинский коллектив (Халяпин 2001: 421). Это подтверждается близостью его антропологических особенностей с сейминско-турбинскими черепами из могильника Ростовка I.

Все выделенные нами индивиды — носители специфического набора антропологических черт и определенного социального статуса — находят аналогии по антропологическим особенностям в предшествующее время на территории Казахстана. В одной из работ, где рассматривались новые материалы с территории Западного Казахстана ямной культуры (Ишкиновка, Шоктыбай, Кумсай, Жиренкопа), отмечена их специфичность на фоне имеющихся ямных Волго-Уральского региона. В первую очередь, фиксируется общая массивность черепов и нередко умеренный лицевой профиль (Хохлов, Китов 2012: 64—71). Умеренный профиль лица обнаруживается также на черепках неолита в первую очередь Северного Казахстана (поселение Ботай), Восточного Казахстана (Шидерты, Железинка, Усть-Нарымское, Черновая II), а также северной части Туркмении (Тумек-Кичиджик в Приаралье). Досинташтинские антропологические находки с территорий Зауральской лесостепи, Приаралья и Казахстана, хотя и единичные, возможно, указывают на существование особого степного антропологического типа, складывавшегося еще в неолите в результате контактов, с одной стороны, степных резко профилированных евро-

пеоидных популяций, распространявшихся на восток и, с другой, встречавшихся групп уралоидного происхождения. Здесь нельзя исключить вероятность влияния представителей западносибирских монголоидов. По характеристикам казахстанские материалы досинташтинского периода уклоняются от комплекса черт, который некоторыми исследователями принято считать протоевропеоидным, в первую очередь, умеренной горизонтальной профилировкой лица. Возможно, именно этот тип, изначально метисного происхождения, условно «степной казахстанский», проявился в «ямной» среде западной части Казахстана, а в дальнейшем составил одну из антропологических основ синташтинско-потаповского населения (Хохлов, Китов 2015; Хохлов 2017: 102—103). Это положение согласуется с теми археологическими представлениями, которые видят в качестве одной из основ синташтинского культурогенеза энеолитические культуры северного Казахстана ботайско-терсекско-суртандинского круга (Зданович 1995: 51).

Заключение

Подводя итоги, можно отметить, что отличительной чертой носителей синташтинских и потаповских традиций является резкая неоднородность антропологических особенностей, причиной которой стали активные этно- и культурогенетические процессы в Волго-Уральском регионе на рубеже III/II тыс. до н. э. Одним из активных компонентов

этих процессов, вероятно, была группа населения со специфическими краниологическими данными, отличными от остальных краниокомплексов. К ним относились матуризованные, широколицые индивиды мужского пола с набором ярких признаков в строении лица, таких как развернутые и уплощенные скуловые кости, сильное выступание носа. Об их высоком социальном положении в обществе говорят особенности погребального обряда: захоронения совершались в центральных больших могильных ямах, сопровождалась обилием жертвенных комплексов в виде черепов и конечностей лошадей, крупного и мелкого рогатого скота, богатым погребальным инвентарем, включающим бронзовые орудия труда и оружие, артефакты металлопроизводства, атрибуты колесничного комплекса. Необходимо отметить, что подобный краниологический тип присутствует в каждом кургане синташтинско-потаповского круга памятников и встречается на широкой территории степей и лесостепей Поволжья, Южного Приуралья, Зауралья. Сложение же подобного антропологического комплекса произошло в энеолите в результате контактов, с одной стороны, степных резко профилированных европеоидных популяций, распространявшихся на восток и, с другой, встречавшихся групп уралоидного происхождения, что привело к сложению пласта населения, изначально метисного происхождения, который можно условно называть «степной казахстанский».

Литература

- Боталов С. Г., Григорьев С. А., Зданович Г. Б. 1996. Погребальные комплексы эпохи бронзы Большекараганского могильника (публикация результатов археологических раскопок 1988 г.). В: Зданович Г. Б., Таиров А. Д. (науч. ред.), Иванова Н. О. (сост.). *Материалы по археологии и этнографии Южного Урала*. Труды музея-заповедника Аркаим. Челябинск: Каменный пояс, 64—89.
- Бочкарев В. С. 2010. *Культурогенез и древнее металлопроизводство Восточной Европы*. Санкт-Петербург: Инфо Ол.
- Васильев И. Б., Кузнецов П. Ф., Семенова А. П. 1994. *Потаповский курганный могильник индоиранских племен на Волге*. Самара: СамГУ.
- Виноградов Н. Б. 2003. *Могильник бронзового века Кривое Озеро в Южном Зауралье*. Челябинск: Южно-Уральское книжное издательство.
- Виноградов Н. Б. 2011. *Степи Южного Урала и Казахстана в первые века II тыс. до н. э. (памятники синташтинского и петровского типа)*. Челябинск: Абрис.
- Виноградов Н. Б. 2017. Проблемы синхронизации, культурной близости памятников синташтинского и петровского типов и возможности их решения. *ВИАЭ* (2), 38—48.
- Виноградов и др. 2017. Виноградов Н. Б., Дегтярева А. Д., Кузьминых С. В., Медведева П. С. 2017. *Образы эпохи. Могильник бронзового века Кривое Озеро в Южном Зауралье*. Челябинск: Абрис.
- Горбунов В. С. 1992. *Бронзовый век Волго-Уральской лесостепи*. Уфа: БГПИ.
- Григорьев С. А. 2010. Ближневосточные компоненты в формировании синташтинской культуры и ее хронология. В: Зданович Д. Г. (отв. ред.). *Аркаим-Синташта: древнее наследие Южного Урала*. К 70-летию Г. Б. Здановича: сборник научных трудов. Ч. 2. Челябинск: ЧелГУ, 32—48.
- Епимахов А. В. 2002. *Южное Зауралье в эпоху средней бронзы*. Челябинск: ЮУрГУ.
- Епимахов А. В. 2005. *Ранние комплексные общества севера Центральной Евразии (по материалам могильника Каменный Амбар-5)*. Кн. 1. Челябинск: Челябинский дом печати.
- Епимахов А. В., Берсенева Н. А. 2016. Металлопроизводство и социальная идентичность по материалам памятников синташтинской культуры Южного Урала. *АЭАЕ* 44 (1), 3—9.
- Зданович Г. Б., Зданович Д. Г. 1995. Протогородская цивилизация «Страна городов» Южного Зауралья (опыт моделирующего отношения к древности). В: Зданович Г. Б., Иванова Н. О., Таиров А. Д. (ред.). *Россия и Восток: Проблемы взаимодей-*

№2. 2018

- ствия. Материалы конференции. Ч. V. Кн. 1. Челябинск: ЧелГУ, 48—65.
- Зданович и др. 2002: Зданович Д.Г., Кириллов А.К., Гутков А.И., Петров Ф.Н., Гайдученко Л.Л., Куприянова Е.В., Бушмакин А.Ф., Попов В.А., Линдстрем Р.В., Медникова М.Б. 2002. *Аркаим: некрополь (по материалам кургана 25 Большекараганского могильника)*. Кн. 1. Челябинск: Южно-Уральское книжное издательство.
- Зданович Д.Г. 2016. *Отчет об археологических раскопках могильника Степное (Челябинская область) в 2006 году*. Т. 1. Архив фондов ЧелГУ.
- Китов Е.П. 2011. *Палеоантропология населения Южного Урала эпохи бронзы*. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Москва.
- Кузнецов П.Ф. 1996. Проблемы миграций в развитом бронзовом веке Волго-Уралья. В: Кияшко А.В. (отв. ред.). *Древности Волго-Донских степей в системе восточноевропейского бронзового века*. Материалы международной конференции. Волгоград; Перемена, 40—43.
- Кузнецов П.Ф. 2010. Очерк к вопросу о происхождении синташтинской культуры. В: Зданович Д.Г. (отв. ред.). *Аркаим-Синташта: древнее наследие Южного Урала*. К 70-летию Г.Б. Здановича: сборник научных трудов. Ч. 2. Челябинск: ЧелГУ, 59—65.
- Кузнецов П.Ф., Хохлов А.А. 1998. Следы травматических повреждений людей по материалам погребений эпохи бронзы Волго-Уральского региона. В: Вилинбахов Г.В., Массон В.М. (ред.). *Военная археология. Оружие и военное дело в исторической и социальной перспективе*. Материалы международной конференции. Санкт-Петербург: ГЭ, 31—34.
- Кузнецов П.Ф., Мочалов О.Д. 2001. Вопрос о культурном единстве потаповских и синташтинских керамических комплексов. В: Колев Ю.И. (отв. за выпуск). *Бронзовый век Восточной Европы. Характеристика культур, хронологии и периодизации*. Материалы международной научной конференции «К столетию периодизации В.А. Городцова бронзового века южной половины Восточной Европы». Самара: Научно-технический центр, 266—273.
- Кузнецов П.Ф., Плаксин А.В. 2004. *Край Самарский. Древности Нефтегорского района*. Самара: Самарский дом печати.
- Логвин В.Н. 1995. К проблеме становления синташтинско-петровских древностей. В: Зданович Г.Б., Иванова Н.О., Таиров А.Д. (ред.). *Россия и Восток: Проблемы взаимодействия*. Материалы конференции. Ч. V. Кн. 1. Челябинск: ЧелГУ, 88—95.
- Потемкина Т.М. 1983. Алакульская культура. СА (2), 13—33.
- Рыкушина Г.В. 2003. Антропологическая характеристика населения эпохи бронзы Южного Урала по материалам могильника Кривое Озеро. В: Виноградов Н.Б. *Могильник бронзового века Кривое Озеро в Южном Зауралье*. Челябинск: Южно-Уральское книжное издательство, 345—360.
- Смирнов К.Ф., Кузьмина Е.Е. 1977. *Происхождение индоиранцев в свете новейших археологических открытий*. Москва: Наука.
- Ткачев В.В. 2000. О юго-западных связях населения Южного Урала в эпоху ранней и средней бронзы. В: Ткачев В.В. (гл. ред.). *Проблемы изучения энеолита и бронзового века Южного Урала*. Сборник научных трудов. Орск: Институт Евразийских исследований, 37—66.
- Ткачев В.В. 2007. *Степи Южного Приуралья и Западного Казахстана на рубеже эпох средней и поздней бронзы*. Актобе: Актюбинский областной центр истории, этнографии и археологии.
- Халяпин М.В. 2001. Первый бескурганый могильник синташтинской культуры в степном Приуралье. В: Колев Ю.И. (отв. за выпуск). *Бронзовый век Восточной Европы: Характеристика культур, хронологии и периодизации*. Материалы международной научной конференции «К столетию периодизации В.А. Городцова бронзового века южной половины Восточной Европы». Самара: Научно-технический центр, 417—425.
- Халяпин М.В. 2010. К вопросу о хронологическом соотношении абашевских и синташтинских памятников (историографический аспект). В: Зданович Д.Г. (отв. ред.). *Аркаим-Синташта: древнее наследие Южного Урала: к 70-летию Г.Б. Здановича: сборник научных трудов*. Ч. 2. Челябинск: ЧелГУ, 106—111.
- Хохлов А.А. 1996. Краниология могильников потаповского типа в Поволжье, синташтинского и петровского — в Казахстане. В: Кияшко А.В. (отв. ред.). *Древности Волго-Донских степей в системе восточноевропейского бронзового века*. Материалы международной конференции. Волгоград; Перемена, 113—118.
- Хохлов А.А. 1999. Краниологические материалы ранней и начала средней бронзы Самарского Поволжья и Оренбуржья. *Вестник антропологии* 6, 97—129.
- Хохлов А.А. 2000. Палеоантропология эпохи бронзы Самарского Поволжья. В: Кабытов П.С. (гл. ред.). *История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Бронзовый век*. Самара: Центр «Интеграция», 309—332.
- Хохлов А.А. 2009. К вопросу о монголоидных черепях эпохи бронзы Волго-Уралья. *Вестник ЧелГУ. История* 30 (6), 8—11.
- Хохлов А.А. 2010а. О происхождении и дальнейшем развитии физического типа носителей синташтинско-потаповского круга культур. В: Зданович Д.Г. (отв. ред.). *Аркаим — Синташта: древнее наследие Южного Урала*. К 70-летию Г.Б. Здановича. Ч. 2. Челябинск: ЧелГУ, 112—132.
- Хохлов А.А. 2010б. Демографические процессы в Волго-Уралье в эпоху энеолита-бронзы. В: Кузьмина Е.Е., Косинцев А.П., Кулланда С.В., Медникова М.Б., Бужилова А.П., Хохлов А.А., Клейн Л.С., Чечушков И.В., Епимахов А.В., Черленок Е.А., Усачук А.Н., Бочкарев В.С., Кузнецов П.Ф. *Кони и колесничие степей Евразии*. Екатеринбург; Самара; Донецк: Рифей, 133—166.
- Хохлов А.А. 2017. *Морфогенетические процессы в Волго-Уралье в эпоху раннего голоцена (по краниологическим материалам мезолита-бронзового века)*. Самара: СГСПУ.
- Хохлов А.А., Китов Е.П. 2009. Предварительное сообщение о палеоантропологическом материале эпохи средней бронзы могильника Буланово I. *Вестник ЧелГУ. История* 30 (6), 5—7.
- Хохлов А.А., Китов Е.П. 2012. К антропологии раннего этапа бронзового века Западного Казахстана. *Вестник археологии, антропологии и этнографии* 16 (1), 64—71.
- Хохлов А.А., Китов Е.П. 2014. Специфика антропологического состава носителей потаповско-синташтинских культурных традиций (по краниологическим материалам Поволжья и Урала переходного времени от средней к поздней бронзе). В: Кузнецов П.Ф. (отв. ред.). *Процесс куль-*

- турогенеза начальной поры позднего бронзового века Волго-Уральского региона (вопросы хронологии, периодизации, историографии). Материалы международной научной конференции 12—14 мая 2014 г. Самара: ПГСГА, 131—142.
- Хохлов А. А., Китов Е. П. 2015. Физический облик представителей ботайской энеолитической культуры в контексте проблемы формирования степного населения Казахстана. В: Байтанаев Б. А. (гл. ред.), Байпаков К. М. (отв. ред.). *Казахское ханство в потоке истории*. Сборник материалов международной конференции, посвященной 550-летию Казахского ханства. Алматы: Институт археологии им. А. Х. Маргулана, 437—445.
- Хохлов А. А., Китов Е. П., Нечвалода А. И. 2016. Люди бронзового века Аркаимской долины (к вопросу о преемственности населения от ямной к синташтинской культуре). *Stratum plus* (2), 277—284.
- Шишлина Н. И., Хилберт Ф. Т. 1996. Евразийские кочевники и земледельцы эпохи бронзы: проблемы взаимодействия. В: Пиотровский Ю. Ю. (науч. ред.). *Между Азией и Европой. Кавказ в IV—I тыс. до н. э.* Санкт-Петербург: ИИМК РАН, 90—92.
- Яблонский Л. Т., Хохлов А. А. 1994. Новые краниологические материалы эпохи бронзы Самарского Заволжья. В: Васильев И. Б., Кузнецов П. Ф., Семенова А. П. *Потаповский курганный могильник индоиранских племен на Волге*. Самара: СГПУ, 186—205.
- Botalov, S. G., Grigor'ev, S. A., Zdanovich, G. B. 1996. In Zdanovich, G. B., Tairov, A. D. (eds.), Ivanova, N. O. (comp.). *Materialy po arkhologii i etnografii Iuzhnogo Urala (Materials on the Archaeology and Ethnography of Southern Ural)*. Series: Proceedings of Arkaim Museum-Reserve. Chelyabinsk: "Kamennyi poias" Publ., 64—89 (in Russian).
- Bochkarev, V. S. 2010. *Kul'turogenез i drevnee metalloproduktivo Vostochnoi Evropy (Cultural Genesis and Metal Production of Eastern Europe)*. Saint Petersburg: "Info Ol" Publ. (in Russian).
- Vasil'ev, I. B., Kuznetsov, P. F., Semenova, A. P. 1994. *Potapovskii kurgannyi mogil'nik indoiranskikh plemen na Volge (Potapovo Burial Ground of the Indo-Iranic Tribes on the Volga)*. Samara: Samara State University (in Russian).
- Vinogradov, N. B. 2003. *Mogil'nik bronzovogo veka Krivoe Ozero v Iuzhnom Zaural'e (Krivoye Ozero, the Bronze Age Burial Ground in Southern Trans-Urals)*. Chelyabinsk: "Iuzhno-Ural'skoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).
- Vinogradov, N. B. 2011. *Stepi Iuzhnogo Urala i Kazakhstana v pervye veka II tys. do n.e. (pamiatniki sintashtinskogo i petrovskogo tipa) (Steppes of Southern Ural and Kazakhstan in First Centuries of II Millennium BC: Sites of Sintashta and Petrovka Type)*. Chelyabinsk: "Abris" Publ. (in Russian).
- Vinogradov, N. B. 2017. In *Vestnik arkhologii, antropologii i etnografii (Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography)* (2), 38—48 (in Russian).
- Vinogradov, N. B., Degtiareva, A. D., Kuz'minykh, S. V., Medvedeva, P. S. 2017. *Obrazy epokhi. Mogil'nik bronzovogo veka Krivoe Ozero v Iuzhnom Zaural'e (Images of Epoch: Krivoye Ozero, the Bronze Age Burial Ground in Southern Trans-Urals)*. Chelyabinsk: "Abris" Publ. (in Russian).
- Gorbunov, V. S. 1992. *Bronzovyi vek Volgo-Ural'skoi lesostepi (Bronze Age of the Volga-Ural Forest-Steppe)*. Ufa: Bashkir State Pedagogical Institute (in Russian).
- Grigor'ev, S. A. 2010. In Zdanovich, D. G. (ed.). *Arkaim-Sintashta: drevnee nasledie Iuzhnogo Urala: k 70-letiiu G. B. Zdanovicha (Arkaim-Sintashta: Antique Heritage of Southern Ural. On the 70th Anniversary of G. B. Zdanovich)* 2. Chelyabinsk: Chelyabinsk State University, 32—48 (in Russian).
- Epimakhov, A. V. 2002. *Iuzhnoe Zaural'e v epokhu srednei bronzy (Southern Trans-Urals in the Middle Bronze Age)*. Chelyabinsk: Southern Ural State University (in Russian).
- Epimakhov, A. V. 2005. *Rannie kompleksnye obshchestva severa Tsentral'noi Evrazii (po materialam mogil'nika Kamennyi Ambar-5) (Early Complex Societies of the Northern Part of Central Eurasia: by Materials from the Kamenny Ambar-5 Burial Ground)* 1. Chelyabinsk: "Cheliabinskii dom pečati" Publ. (in Russian).
- Epimakhov, A. V., Berseneva, N. A. 2016. In *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii (Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia)* 44 (1), 3—9 (in Russian).
- Zdanovich, G. B., Zdanovich, D. G. 1995. In Zdanovich, G. B., Ivanova, N. O., Tairov, A. D. (eds.). *Rossia i Vostok: problema vzaimodeistviya (Russia and East: Problems of Interaction)*. Part V. Book 1. Chelyabinsk: Chelyabinsk State University, 48—65 (in Russian).
- Zdanovich, D. G., Kirillov, A. K., Gutkov, A. I., Petrov, F. N., Gaiduchenko, L. L., Kupriianova, E. V., Bushmakin, A. F., Popov, V. A., Lindstrom, R. V., Mednikova, M. B. 2002. *Arkaim: nekropol' (po materialam kurgana 25 Bol'shekaraganskogo mogil'nika) (Arkaim: the Necropolis (by the Materials of Barrow 25 of the Bolshekaragay Burial Ground))* 1. Chelyabinsk: "Iuzhno-Ural'skoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).
- Zdanovich, D. G. 2016. *Otchet ob arkhologicheskikh raskopkakh mogil'nika Stepnoe (Cheliabinskaya oblast') v 2006 godu (Report on Archaeological Excavations of the Stepnoye Burial Ground, Chelyabinsk Oblast, in 2006)* 1. Archive of Funds, Chelyabinsk State University (in Russian).
- Kitov, E. P. 2011. *Paleoantropologiya naseleniya Iuzhnogo Urala epokhi bronzy (Palaeoanthropology of the Population of Southern Ural in the Bronze Age)*. PhD Thesis. Moscow (in Russian).
- Kuznetsov, P. F. 1996. In Kiyashko, A. V. (ed.). *Drevnosti Volgondonskikh stepei v sisteme vostochno-evropeiskogo bronzovogo veka (Antiquities of the Volga and Don Steppes in the System of the East European Bronze Age)*. Volgograd: "Peremena" Publ., 40—43 (in Russian).
- Kuznetsov, P. F. 2010. In Zdanovich, D. G. (ed.). *Arkaim-Sintashta: drevnee nasledie Iuzhnogo Urala: k 70-letiiu G. B. Zdanovicha (Arkaim-Sintashta: Antique Heritage of Southern Ural. On the 70th Anniversary of G. B. Zdanovich)* 2. Chelyabinsk: Chelyabinsk State University, 59—65 (in Russian).
- Kuznetsov, P. F., Khokhlov, A. A. 1998. In Villinbakhov, G. V., Masson, V. M. (eds.). *Voennaia arkhologiya. Oruzhie i voennoye delo v istoricheskoi i sotsial'noi perspektive (Military Archaeology. Armament and Warfare from Historical and Social Perspective)*. Saint Petersburg: State Hermitage Museum, 31—34 (in Russian).
- Kuznetsov, P. F., Mochalov, O. D. 2001. In Kolev, Yu. I. (resp.). *Bronzovyi vek Vostochnoi Evropy: kharakteristika kul'tur, khronologiya i periodizatsiya (Bronze Age in Eastern Europe: Characteristics of Cultures, Chronology and Periodisation)*. Samara: Scientific and Technical Center, 266—273. (in Russian).
- Kuznetsov, P. F., Plaksin, A. V. 2004. *Krai Samarskii. Drevnosti Neftegorskogo raiona (Samara Land: Antiquities of the Neftegorsk District)*. Samara: "Samarskii dom pečati" Publ. (in Russian).
- Logvin, V. N. 1995. In Zdanovich, G. B., Ivanova, N. O., Tairov, A. D. (eds.). *Rossia i Vostok: problemy vzaimodeistviya (Russia and East: Problems of Interaction)*. Part V. Book 1. Chelyabinsk: Chelyabinsk State University, 88—95 (in Russian).
- Potemkina, T. M. 1983. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (2), 13—33 (in Russian).
- Ryukshina, G. V. 2003. In Vinogradov, N. B. *Mogil'nik bronzovogo veka Krivoe Ozero v Iuzhnom Zaural'e (Krivoye Ozero, the Bronze Age Burial Ground in Southern Trans-Urals)*. Chelyabinsk: "Iuzhno-Ural'skoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ., 345—360 (in Russian).
- Smirnov, K. F., Kuz'mina, E. E. 1977. *Proiskhozhdenie indoirantsev v svete noveishikh arkhologicheskikh otkrytii (Origins of Indo-Iranians in the Light of Recent Archaeological Discoveries)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Tkachev, V. V. 2000. In Tkachev, V. V. (ed.-in-chief). *Problemy izucheniia eneolita i bronzovogo veka Iuzhnogo Urala (Issues of Studying the Chalcolithic and Bronze Age of Southern Ural)*. Orsk: Institute of Eurasian Studies; Steppe Institute, Ural Branch, Russian Academy of Sci-

№2. 2018

- ences, 37—65, 37—66 (in Russian).
- Tkachev, V.V. 2007. *Stepi Juzhnogo Priural'ia i Zapadnogo Kazakhstana na rubezhe epokh srednei i pozdnei bronzы (Steppes of Southern Cis-Urals and Western Kazakhstan on the Turn of the Middle and Late Bronze Ages)*. Aktobe: Aktobe Regional Center for History, Ethnography, and Archaeology (in Russian).
- Khaliapin, M.V. 2001. In Kolev, Yu. I. (resp.). *Bronzovyi vek Vostochnoi Evropy: kharakteristika kul'tur, khronologiya i periodizatsiya (Bronze Age in Eastern Europe: Characteristics of Cultures, Chronology and Periodisation)*. Samara: Scientific and Technical Center, 417—425 (in Russian).
- Khaliapin, M.V. 2010. In Zdanovich, D.G. (ed.). *Arkaim-Sintashta: drevnee nasledie Juzhnogo Urala: k 70-letiiu G. B. Zdanovicha (Arkaim-Sintashta: Antique Heritage of Southern Ural. On the 70th Anniversary of G. B. Zdanovich)* 2. Chelyabinsk: Chelyabinsk State University, 106—111 (in Russian).
- Khokhlov, A.A. 1996. In Kiyashko, A.V. (ed.). *Drevnosti Volgо-Donskikh stepei v sisteme vostochno-evropeiskogo bronzovogo veka (Antiquities of the Volga and Don Steppes in the System of the East European Bronze Age)*. Volgograd: "Peremena" Publ., 113—118 (in Russian).
- Khokhlov, A.A. 1999. In *Vestnik antropologii (Bulletin of Anthropology)* 6, 97—129 (in Russian).
- Khokhlov, A.A. 2000. In Kabytov, P.S. (ed.-in-chief). *Istoriia Samarskogo Povolzh'ia s drevneishikh vremen do nashikh dnei. Bronzovyi vek (History of the Samara Volga Region from the Most Ancient to Modern Times. The Bronze Age)*. Samara: Russian Academy of Sciences, Samara Scientific Center, 309—332 (in Russian).
- Khokhlov, A.A. 2009. In *Vestnik Cheliabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriia (Bulletin of the Chelyabinsk State University. History)* 30 (6), 8—11 (in Russian).
- Khokhlov, A.A. 2010. In Zdanovich, D.G. (ed.). *Arkaim-Sintashta: drevnee nasledie Juzhnogo Urala: k 70-letiiu G. B. Zdanovicha (Arkaim-Sintashta: Antique Heritage of Southern Ural. On the 70th Anniversary of G. B. Zdanovich)* 2. Chelyabinsk: Chelyabinsk State University, 112—132 (in Russian).
- Khokhlov, A.A. 2010. In Kuz'mina, E.E., Kosintsev, A.P., Kullanda, S.V., Mednikova, M.B., Buzhilova, A.P., Khokhlov, A.A., Klejn, L.S., Chechushkov, I.V., Epimakhov, A.V., Cherlenok, E.A., Usachuk, A.N., Bochkarev, V.S., Kuznetsov, P.F. *Koni i kolesnichie stepei Evrazii (Horses and Charioteers of Eurasian Steppes)*. Yekaterinburg; Samara; Donetsk: "Rifei" Publ., 133—166 (in Russian).
- Khokhlov, A.A. 2017. *Morfogeneticheskie protsessы v Volgо-Ural'e v epokhu rannego golotsena (po kraniologicheskim materialam mezolita-bronzovogo veka) (Morphogenetic Processes in the Volga and Ural Basins in the Early Holocene Time: by Craniological Data of Mesolithic — Bronze Age)*. Samara: Samara State University of Social Sciences and Education (in Russian).
- Khokhlov, A.A., Kitov, E.P. 2009. In *Vestnik Cheliabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriia (Bulletin of the Chelyabinsk State University. History)* 30 (6), 5—7 (in Russian).
- Khokhlov, A.A., Kitov, E.P. 2012. In *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii (Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography)* 16 (1), 64—71. (in Russian).
- Khokhlov, A.A., Kitov, E.P. 2014. In Kuznetsov, P.F. (ed.). *Protsess kul'turogeneza nachal'noi pory pozdnego bronzovogo veka Volgо-Ural'skogo regiona (voprosy khronologii, periodizatsii, istoriografii) (Process of Cultural Genesis on the Early Stage of the Late Bronze Age in the Volga and Ural Region: Issues of Chronology, Periodisation, and Historiography)*. Samara: Volga Region State Academy for Social Sciences and Humanities, 131—142 (in Russian).
- Khokhlov, A.A., Kitov, E.P. 2015. In Baitanaev, B.A. (ed.-in-chief), Baipakov, K.M. (ed.). *Kazakhskoe khanstvo v potoke istorii (Kazakh Khanate in the Course of History)*. Almaty: "Aruna" Publ., 437—445 (in Russian).
- Khokhlov, A.A., Kitov, E.P., Nechvaloda, A.I. 2016. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (2), 277—284 (in Russian).
- Shishlina, N.I., Khilbert, F.T. 1996. In Piotrovskii, Yu. Yu. (ed.). *Mezhdu Aziei i Evropoi. Kavkaz v IV—I tys. do n.e. (Between Asia and Europe. Caucasus in 4th—1st Millenium BC)*. Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences, 90—92 (in Russian).
- Yablonsky, L.T., Khokhlov, A.A. 1994. In Vasil'ev, I.B., Kuznetsov, P.F., Semenova, A.P. *Potapovskii kurgannyi mogil'nik indoiranskikh plemen na Volge (Potapovo Burial Ground of the Indo-Iranic Tribes on the Volga)*. Samara: Samara State Pedagogical University, 186—205 (in Russian).

Статья поступила в номер 25 ноября 2017 г.

Egor Kitov (Moscow, Russian Federation). Candidate of Historical Sciences. Russian Academy of Sciences N.N. Miklouho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology (IEA)¹.

Egor Kitov (Moscow, Russia). Candidat în științe istorice. Institutul de etnologie și antropologie „N.N. Miklouho-Maklay” al Academiei de Științe a Rusiei.

Китов Егор Петрович (Москва, Россия). Кандидат исторических наук. Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук.

E-mail: kadet_eg@mail.ru

Alexander Khokhlov (Samara, Russian Federation). Doctor of Historical Sciences. Samara State University of Social Sciences and Education².

Alexander Khokhlov (Samara, Russia). Doctor în științe istorice. Universitatea de Stat social-pedagogică din Samara.

Хохлов Александр Александрович (Самара, Россия). Доктор исторических наук. Самарский государственный социально-педагогический университет.

E-mail: khokhlov_aa@mail.ru

Polina Medvedeva (Chelyabinsk, Russian Federation). South Ural State Humanitarian and Pedagogical University³.

Polina Medvedeva (Celeabinsk, Russia). Universitatea umanitară și pedagogică de Stat din Ural de Sud.

Медведева Полина Сергеевна (Челябинск, Россия). Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет.

E-mail: polenke@yandex.ru

Addresses: ¹ Lenin Ave., 32-A, Moscow, 119334, Russian Federation; ² M. Gorky St., 65/67, Samara, 443099, Russian Federation; ³ Lenin Ave., 69, Chelyabinsk, 454080, Russian Federation